

ДАРЬЯ РАТНИКОВА

Доктор
для СИРОТЫ

16+

Дарья Ратникова

Доктор для сироты

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63641372

SelfPub; 2021

ISBN 978-5-532-98419-6

Аннотация

Анна – сирота, живущая у приёмного отца – королевского судьи из милости. Ей случилось попасть приёмному отцу под горячую руку и защитить того, кого защищать не следовало. И теперь она идёт под венец с абсолютно незнакомым человеком. Он старше её на двадцать лет, хром на одну ногу и вдобавок работает доктором для бедняков. Анна хочет сбежать от него, вернуться в пансион и стать наконец самостоятельной и независимой. Правда на пути к независимости всего лишь одно препятствие – собственное сердце.

Содержание

Пролог	4
Глава 1	13
Глава 2	27
Глава 3	40
Глава 4	53
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Дарья Ратникова

Доктор для сироты

Пролог

Колёса кареты чавкали по глубокой грязи. Прошло всего лишь полчаса, как стало ясно, что они безнадежно отстали от экипажа господина Равенстера. Как так получилось – непонятно. То ли частые перекрёстки на дороге тому виной, то ли сильный туман, так что дальше своего носа ничего не видно. Тайла, Марена и их гувернантки ругали на чём свет стоит кучера, который клялся, что знает дорогу как свои пять пальцев. А вышло... Ну то что вышло. Анна в разговоре участия не принимала. У неё от долгой тряски в карете разболелась голова. Сейчас бы выйти на воздух, подышать. Но на все её просьбы будет один ответ – в такое позднее время девушке не пристало гулять одной, даже возле кареты, даже меньше четверти часа. А гувернантку приёмный отец ей не выделил. Хватит с неё, сироты, и пансиона.

Ей не очень то хотелось ехать. Но господин Равенстер (она так и не научилась называть его отцом) приказал им собраться всей семьёй и направиться в столицу. А его приказания не обсуждались.

Королевского судью требовал к себе Его Величество, а

они должны были быть на виду. Впрочем, от неё, сироты (как всегда презрительно говорил господин Равенстер) многого не требовалось – только не опозорить семью. Ни балов, ни развлечений ей не полагалось. Да она сама и не хотела. Приёмный отец очень хорошо умел показывать голосом, жестами и всем своим видом, что она всего лишь безродная сирота, дочь обанкротившегося аристократа (его троюродного брата – в общем седьмая вода на киселе), которую он приютил исключительно из милости. Она прямо и слышала, как он говорит эти слова, постукивая костяшками трости:

– Исключительно из милости, запомни, Анна. И будь мне благодарна, что я дал тебе образование и вытащил из того болота, в котором ты должна была сгнить.

А если она в ответ отвечала дерзким тоном или не то, что господину Равенстеру хотелось слышать, то получала его тростью по кончикам пальцев. Как розгой. При воспоминании об этом пальцы сами задёргались. Анна сжала губы. Всё-таки пансион это не так уж плохо, совсем не так уже плохо. Иногда она искренне сочувствовала Тайле и Марене, потому что если сказать по справедливости доставалось не только ей. Но она всё же большую часть года проводила в пансионе возвращаясь в имение Равенстеров только на зимние и летние каникулы.

Пока карета медленно ехала, кучер вполголоса ругался, а сёстры рассуждали что дальше делать, она отрешённо смотрела в окно. Только тьма и туман и никто понятия не имеет,

где они очутились.

Хотя это в любом случае было лучше, чем сидеть сейчас с приёмным отцом, который постоянно был чем-то недоволен. Если сестёр в столице ждали балы и возможность найти «выгодную партию», как говорил приёмный отец, то для неё там ничего не было. Поэтому она с тоской вспоминала родной пансион. Для кого-то его стены были тюрьмой, но для неё – возможностью вырваться из семьи Равенстеров.

Она мечтала стать сначала учительницей при пансионе, а потом, возможно и гувернанткой. Вернуть господину Равенстеру всё, потраченное на её обучение. А дальше... Дальше она не заглядывала.

– Смотрите, там что-то светится! – Вдруг закричала взволнованная Марена, до этого сонно смотревшая в окно.

Анна выглянула наружу. Действительно, впереди из тумана светились огни, похожие на окна какого-то большого дома.

– Давайте заедем туда. Может быть нам подскажут дорогу.

– Госпожа Марена, это, наверное, частный дом. Будет неприлично в такое время явиться туда. – Госпожа Миллис, гувернантка Тайлы попыталась возразить. Но все уже так устали от дальней дороги, что Тайла с радостью поддержала сестру и приказала кучеру подъехать к дому поближе.

Вскоре карета въехала в какое-то подобие подъездной аллеи. В конце аллеи горело несколько фонарей, но так тускло, что они едва освещали воздух вокруг себя.

Через несколько минут они приехали. Карета остановилась возле высокого мрачного здания, очертания которого терялись в темноте и тумане.

– Наконец-то мы приехали! Хоть куда-то! – Тайла первой открыла дверцу и прыгнула туда, в темноту.

– Госпожа, но так не принято! Позвольте мне пойти первой! – Миллис вылезла вслед за Тайлой.

– Ох и задаст же нам отец, – шепнула Марена Анне, когда они вылезали из кареты.

Да, господин Равенстер не будет разбираться, кто виноват. Попадёт и кучеру и им всем, особенно если подвернутся под горячую руку.

Пока они разминали ноги на лужайке, Миллис уже стучала в закрытую дверь. Они прождали, наверное, минут пять, прежде чем за дверью послышались шаги.

– Кто там? – Раздался женский голос.

– Молодые госпожи Равенстер со слугами, – Тайла всегда говорила прямо и по существу. Приёмного отца хорошо знали в королевстве, правда больше боялись, чем уважали. Вот и эта служанка не была исключением. Дверь открылась. На пороге стояла совсем молоденькая девушка, вытирая руки об передник.

– Заходите пожалуйста, госпожи. Заходите. Только что ж я могу сделать! Хозяйка нонче уехала в город. – Она нервничала и теребила передник.

– А хозяин есть дома? – Нетерпеливо перебила её Тайла.

– Ну нет. Хозяина здесь давно нет. Но есть господин Дженсон. Он как раз недавно вернулся.

– Ну вот и позовите его.

– Хорошо, госпожи. Как вам будет угодно, – служанка кивнула.

– И проводи нас в гостиную. Ты что же не видишь, что госпожи устали? – приказала госпожа Миллис. Она совсем уже оправилась от долгой и неприятной дороги и снова стала старшей гувернанткой.

Служанка послушно кивнула и повела их в гостиную. Анна с интересом рассматривала то, что удалось увидеть в этом доме при неверном свете свечей. Дом был большой и старинный, пожалуй, не моложе её пансиона. Но такой чистоты и строгости здесь не было. Хотя, впрочем, и обилия дорогих вещей, как у господина Равенстера тоже не наблюдалось. Старый дом, доживающий свой век.

В гостиной служанка их оставила, зажгла свечи и ушла. Гостиной явно пользовались редко. На каминной полке и статуэтках лежала пыль, а часы на стене стояли.

– Интересно, в какой дыре мы очутились? – Тайла поморщилась, а Марена брезгливо подняла подол платья.

– Я надеюсь, здесь нам, по крайней мере расскажут, как добраться до столицы.

Анна молчала. После долгой дороги хотелось спать. А завтрашний день не обещал ничего хорошего. Скорее бы добраться господина, за которым отправилась служанка.

Наконец за дверью послышались шаги, какие-то странные, словно неуверенные. Наверное, тот самый таинственный господин. Несколько секунд тишины, потом дверь медленно отворилась.

В проёме двери возник мужчина. В полутьме сложно было что-то рассмотреть. Но вот он шагнул поближе, немного хромая, припадая на одну ногу. И Анна увидела совсем светлые волосы и бороду. Как ей показалось мужчина был стариком. Только глаза смотрели неожиданно молодо. Но так пристально рассматривать мужчин не хорошо. Пусть даже они и не молодые люди, как говорилось в своде правил для юной леди. Анна смутилась и потупилась, успев увидеть, что одет мужчина был в потрёпанный, выдавший виды сюртук, неопределённого цвета.

Он сделал ещё несколько шагов вперёд, а потом произнёс:
– Добрый вечер, сударыни! – Такое старомодное обращение. Но голос на удивление звучал молодо. – Хозяйка пансиона сейчас в отъезде. Я могу чем-то помочь?

– Мы хотели бы узнать дорогу до столицы и переночевать. – Госпожа Миллис говорила спокойно, но Анна скосила глаза и увидела, какие рожи корчила Марена. У сестры была страсть всех передразнивать. Но конечно никто и никогда не заподозрил бы это милое создание в таком занятии. Почему-то ей стало неприятно смотреть на то, как сестра передразнивает незнакомца. Ведь кроме его физических недостатков, его пока не за что было дразнить. Да и возраст тре-

бывал больше уважения.

Анна не знала, куда девать глаза, подняла голову и встрети­лась с пристальным взглядом господина Дженсона. Ей стало неловко, и она отвернулась, в который раз удивившись неожиданно молодому взгляду.

А госпожа Миллис тем временем узнавала всё больше и больше подробностей. Оказывается, они оказались в пансионе для девиц неблагородного происхождения. Он располагалась в какой-то глуши, достаточно далеко от столицы. Разумеется, господин Дженсон обещал показать дорогу.

Анна сразу почувствовала острую жалость к воспитанницам пансиона. Она знала, чувствовала на себе, что такое быть ученицей без средств, а быть ещё вдобавок и ученицей без благородного происхождения... Надо выяснить дома, что это за пансион. Может быть, получится как-то навестить его и помочь ученицам. Не сейчас, конечно, а потом, когда она будет уже самостоятельной девушкой. Когда за каждый свой шаг она не должна будет отвечать перед приёмным отцом.

– ... Я не могу выделить вам лучшие комнаты, просто потому что я всего лишь такой же скромный квартиросъёмщик, – Задумавшись, она потеряла нить разговора. Господин Дженсон видимо достаточно терпеливо отвечал на просьбы госпожи Миллис.

– Но это – дочери господина Равенстера, королевского судьи.

– Хорошо, но всё равно выделить вам лучшие комнаты не в моей власти. – Мужчина говорил спокойно, его голос звучал уверенно и почему-то немного печально. Анна поймала себя на мысли, что ей нравится, как господин Дженсон отвечает на претензии гувернантки. – Могу попросить слуг принести несколько диванов сюда в гостиную и передать вам свой скромный ужин.

– Я это так вам не оставляю. – Зашипела госпожа Миллис, – Девушкам такого положения не пристало ночевать как кухаркам.

– Ничем не могу помочь, – пожал плечами мужчина и развернувшись похромал обратно к двери.

Анна обернулась на сестёр. Они откровенно забавлялись. Приключения – это так замечательно. Уже ночью, скромно поужинав, сдвинув диванчики друг к другу, они лежали, накрывшись с головой одеялами и перешёптывались.

– Как тебе понравился этот господин? А, Тайла?

– Не могу на него смотреть. Прямо дрожь пробирает. Миллис права. Отец задаст нам за то что мы здесь ночевали, да ещё и в гостиной. Да ещё и общались с таким людьми. Пансион для неблагородных девиц. Ужас! И сам этот господин тоже не из благородных. Старый, хромой, да ещё и выражается так странно. Быстрее бы уехать отсюда.

– Завтра уедем, – Марена задумчиво смотрит в потолок. – А мне бы хотелось погулять здесь, поговорить со здешними девушками. Наверное, это интересно.

– Интересно ей! Ты лучше подумай о том, что завтра нас будет ждать бал и куда более интересное общество.

– И впрямь! Я уже почти забыла про это.

И девушки вернулись к обсуждению нарядов. Анна тоскливо вздохнула. Ей на бал никогда не попасть. Не сказать, чтобы она стремилась, но часто думала, что всё могло бы сложиться по-другому, не обанкротясь бы её отец. Но увы, нет смысла жалеть о несбыточном. Она заснула быстро.

А утром, ещё по заре, они сели в карету и отправились в столицу по правильной дороге наконец-то. Приёмный отец не любил ждать.

Глава 1

Прошёл год

– Госпожа Анна, вас зовёт хозяин.

Анна вздохнула. Вот так. Не успела приехать и уже понадобилась приёмному отцу. Было немного страшно. И всё же она стала почти на год взрослее. И скоро, совсем скоро сможет вырваться из-под его власти. Формально она будет под его опекой до двадцати одного года. Но через полгода, в девятнадцать, её ждали в пансионе учительницей. И тогда эта вынужденная опека, которой так тяготится господин Равенстер закончится, потому что она будет способна сама зарабатывать себе на жизнь. Ей придётся спрашивать его разрешения только на замужество и другие судьбоносные решения. Но Анна не тешила себя надеждой – сирота бесприданница и задаром никому не нужна. К тому же ей и не очень хотелось замуж.

Без любви брак – это мучение и ужас. Она насмотрелась на такие отношения в семье Равенстеров. И хоть слышала, что отец женился на матери по любви, никогда не видела и не знала, что это такое. Везде были сплошь выгодные партии. Она, наверное, слишком старомодна. Ибо в пансионе их, слава Богу воспитывали согласно старым традициям и добродетелям. Но никогда бы она не согласилась на брак без

любви. Да к тому же её сердце молчало. Когда подружки тайком из-за стен пансиона расточали влюблённые взгляды, она смотрела на них с недоумением. А они удивлялись – есть ли у неё вообще сердце.

– Тебе надо уйти в монастырь. Ты будешь замечательной сестрой-настоятельницей. Такой рассудительной не по годам, – говорила Дженна. Вроде бы и комплимент, а всё же Анне почему-то было обидно.

Хотя она иногда возвращалась к мыслям о том, чтобы со временем, после работы в пансионе, уйти в монастырь. Ей нравились строгие службы в небольшом храме и матушка, которая была и настоятельницей и директрисой пансиона одновременно. Добрая и строгая. Она стала ей настоящей матерью. Но на прямой вопрос, не уйти ли ей в монастырь, только качала головой и говорила:

– Время покажет.

Задумавшись, Анна поняла, что уже с десять минут бездумно стоит у зеркала, заставляя ждать господина Равенстера. А он ждать ох как не любил.

Она прошла по длинному коридору, свернула налево и поднялась на третий этаж. На третьем этаже располагались комнаты хозяина и его рабочий кабинет.

Остановившись возле двери, Анна глубоко вздохнула и постучала.

– Войдите, – уже по голосу она поняла, что приёмный отец рассержен. И лучше бы не она была этому причиной.

– Добрый день, отец, – она склонила голову и чуть присела, так, как её учили долгие годы в пансионе. И всё равно ему было всё не так.

– Сколько лет прошло, а твои манеры так и не улучшились, – фыркнул он. – Правильно. От такой матери что могло произойти. Подобное рождает подобное.

Анна стиснула зубы. Это была постоянная пытка – упоминание матери. Единственный грех которой состоял в том что она была дочерью богатого торговца, а не аристократа. К тому же мама написала несколько книг за свою жизнь. Детские сказки, интересные и познавательные истории. Матушка была хорошо образованной женщиной. И Анна гордилась ей, но вынуждена была молчать об этом.

Правда все эти крохи знаний о своей семье она узнала далеко не сразу. В пансионе, подальше от приёмного отца собирала она по крупицам всё что слышала о матери и об отце, что знали о них другие. И в этом тоже ей помогла матушка настоятельница.

– Покажи мне свои оценки и рекомендательное письмо.

– Хорошо, отец.

Каждые каникулы она подвергалась этой пытке. Господин Равенстер приказал учителям докладывать ему в виде письма о её поведении и прилагать табель с оценками. Как будто недостаточно было тех унижений, которым он подвергал её каждый день пребывания дома, постоянно придираясь и попрекая.

Пока отец рассматривал оценки и читал письма, Анна постепенно успокаивалась. В предыдущем письме матушка просила ей позволить учительствовать в будущем году и в этом письме должна была повторить свою просьбу. Приёмный отец не возразил в тот раз. Она надеялась, что и в этот он встретит такой поворот судьбы с радостью, и наконец-то избавится от неё.

Несколько минут прошли, а потом вдруг в дверь кабинета кто-то постучал.

– Войдите, – Равенстер отвлёкся от чтения письма и поднял глаза.

– Господин Равенстер, – это был невозмутимый Джон, так они с сёстрами звали его, слуга, который привык ко всем прихотям хозяина и уже ничему не удивлялся, – там какой-то человек хочет вас видеть. Он очень навязчив. Я пытался прогнать его, но он не уходит. С утра стоит под окнами.

– Я сейчас спущусь к нему. Иди. Ты свободна, – кивнул ей приёмный отец, ничего не сказав по поводу письма.

Анна выдохнула и бросилась в свою комнату. Свернула за угол и едва не упала – шнурок на ботинке развязался. Она присела завязать его и услышала громкие шаги, потом рядом хлопнула дверь. Наверное, это господин Равенстер и таинственный посетитель. Она не удивилась – у приёмного отца по долгу службы часто бывали посетители. Анна ничего не знала и знать не хотела про то, какие дела он ведёт и каких людей судит. Осуждать своих близких не хорошо. Это

ей внушили в пансионе. Но сейчас она осталась, словно пригвождённая к месту, потому что расслышала, что говорил таинственный посетитель.

— Господин Равенстер, умоляю, пощадите моего сына! Он не виновен! — Голос просителя звучал глухо и надтреснуто. А ещё так несчастно, что Анна против воли сделала несколько шагов вперёд, к двери из-за которой слышались голоса.

— А кто ваш сын? — Приёмный отец говорил спокойно, но Анна знала его и чувствовала, что это затишье перед бурей. Она сделала ещё несколько шагов и остановилась в тени. Дверь была приоткрыта, так что она видела приёмного отца, который сидел в кресле посередине комнаты, а перед ним стоял низко опустив голову мужчина, из самого низшего сословия. Одежда его была грязной и неопрятной, местами через дыры проглядывало голое тело.

— Ну как же, мой Николя. Его забрали давеча, за беспорядки. Ну так он в них не участвовал!

— Не участвовал, говорите, — господин Равенстер встал, сразу оказавшись выше ростом и шире в плечах этого несчастного мужчины. — А у меня вот есть другие сведения. И свидетели есть.

— Да не может такого быть, — мужчина начал раздражаться. Анна слышала в его голосе такие нотки. Как будто вот-вот разразиться гроза, вдалеке слышны удары грома, но она ещё далеко. Когда матушка настоятельница заговаривала с ними таким тоном, даже самые отъявленные озорницы, умолка-

ли. Но отцу видимо нравилось злить этого мужчину. – Какие свидетели?! Дома он был, говорю как есть. И жена моя, мамаша то есть его, видела его и дочка соседская забежала, с ним говорила. Я и на суде так говорил. Как мог Николя быть и дома и на площади в один час?

– Не знаю, господин Как Вас Там. Его Величество дало приказ найти зачинщиков беспорядков, я их нашёл. Если Вас что-то не устраивает, обращайтесь к Его Величеству. – Приёмный отец стоял, даже не глядя на мужчину и поигрывал кольцом на пальце.

– Но вы ведь королевский судья! К кому, как ни к вам прислушиваться Его Величеству? Мой сын ни в чём не виноват. У него дома невеста осталась. Мы только хотели справить свадьбу. Ну, господин судья, вызовите сына ещё раз. Поговорите с ним. Мы готовы тоже свидетельствовать, что он не виновен. Прошу вас, – мужчина вдруг бухнулся на колени. – Пожалуйста! Матушка моя, мамаша то есть евовная все глаза выплакала. Ей неможется. Сляжет как пить дать, коли сына не выпустят.

– Я не могу, увы. Его Величество уже подписал бумагу о казни провинившихся. На следующей неделе состоится. Да и даже если бы хотел, это очень дорого стоит.

Господин Равенстер уже в открытую требовал денег. И Анна не могла этого не понимать. Возмущение поднялось в ней, на глаза навернулись слёзы. Представилась несчастная женщина, которая лежит одиноко в своём бедном домике и

ждёт сына. А он не придёт. Его казнят, казнят безвинно.

Анна не смогла этого стерпеть. Она бросилась в комнату.

– Отец, пожалуйста! Пересмотри дело! Может быть, действительно этот мужчина ни в чём не виновен. Пожалуйста, отец! – Она умоляюще сжала руки.

– Ты откуда взялась? Почему лезешь не в своё дело! А? – Он шагнул к ней. – Да ещё и подслушиваешь то, что тебя никак не касается. Мерзкое отродье своей поганой мамы! И чему вас только в пансионах учат?

– Пожалуйста отец! Ну прошу тебя! – попыталась она ещё раз и вскрикнула. Господин Равенстер больно схватил её за руку.

– Тебя мои дела не касаются, ясно? Любительница справедливости. Защитница всех сирых и убогих выискалась. Давно не получала тростью по рукам? А по губам за свои слова?

Приёмный отец одной рукой перехватил её за запястье, а второй дотянулся до колокольчика, стоявшего на столе и позвонил. Через несколько минут и в комнату вбежало два рослых воина, в полном обмундировании. Королевский судья всегда держал рядом с собой телохранителей. И теперь Анна понимала почему. Злость на приёмного отца и гнев поднимались в душе, выжигая её дотла.

– Уведите его, – кивнул он воинам на мужика, – и передайте королевской страже. Он так хотел увидеть своего сыночка, вот пусть и убирается к нему.

– Нет отец, пожалуйста. Он же ни в чём не виноват! – Это было ужасно, но она не могла молчать. Сейчас этого мужчину посадят в тюрьму только из-за того, что он пришёл заступиться за сына. И из-за её вмешательства. Она сделала только хуже.

– Замолчи! Позоришь меня только перед людьми! – Острая боль от пощёчины пронзила как иглой. Голова закружилась, и Анна чуть не упала. И упала бы, если бы приёмный отец всё ещё не держал её так цепко. На глаза навернулись слёзы.

– Сейчас пойдёшь у меня в комнату и будешь там сидеть, пока не разрешу выйти. Ты забыла, кому ты всем обязана. Ну ничего, я напомню тебе. Любишь заступаться за мужиков? Получишь в мужа безродное отродье! Посмотрю, как ты запоёшь о справедливости в грязной хижине! Давно уже следовало это сделать! А я всё чего-то ждал. Благодарности, наверное, но так и не дождался. – Господин Равенстер потащил её к двери. Анна шла, не сопротивляясь, почти ослепнув от слёз. Сердце тоскливо сжалось, в ожидании беды.

– О, а вот и кандидат нашёлся, – приёмный отец усмехнулся криво и злобно и схватил на ходу несколько листов из ровной стопки, лежавшей на столе. Анна заледенела. – Что тут? – Он на ходу рассматривал бумаги, продолжая тащить её к двери. – Прощение от нищего доктора об открытии приюта для вшивых бедняков, больных разной заразой. Вот это для тебя жених. Защитник всех мужиков и голодранцев. Се-

годня же пойду к королю.

Приёмный отец смял бумагу и злобно кинул её на ковёр.

– Пойдём! Посидишь у меня до завтра под замком. – Он больно дёрнул Анну за руку. Она всё-таки не удержалась и вскрикнула. Голова была как в тумане. Страшно и так внезапно. Господин Равенстер ещё никогда не был так жесток к ней.

Она с трудом помнила, как они шли по коридору, как он толкнул её в её комнату и закрыл дверь на ключ. Тишина и темнота привели её в чувство. Она упала на кровать и разрыдалась.

Анна не знала, сколько времени прошло. Голова постепенно проходила, мысли прояснились и от этого было ещё страшнее. Она знала по опыту, если приёмный отец, который был жесток, суров, несправедлив, (Да, да! Она наконец-то могла себе в этом признаться, потому что злость на него ещё не остыла и не остынет, наверное, никогда, хоть это и нехорошо) принимал какое-то решение, то никто уже на него не мог повлиять.

Она сжала руки, закрыла глаза и взмолилась о том, чтобы кто-нибудь, возможно, сам король, воспрепятствовали решению господина Равенстера. Она не могла сказать – браку, задуманному приёмным отцом, потому что до сих пор ей это всё казалось какой-то глупой шуткой. И всё же она молилась.

Наконец, за дверью послышались шаги. Анна на всякий

случай отошла к окну. Если это пришёл приёмный отец, то кто знает, что у него на уме. Иногда приступы гнева у него не проходили по несколько дней и тогда даже слуги старались не попадаться ему на глаза.

Но вот ключ повернулся в замке и дверь открылась. В комнату вошла госпожа Равенстер. Полная и некрасивая, она тщетно старалась спрятать морщины за румянами и белилами, а платья из дорогой ткани только невыгодно подчеркивали её фигуру. Потому что, как украдкой слышала от сестёр Анна, отец был очень скуп и не давал денег на наряды и украшения больше, чем было необходимо, экономя на чём только можно.

Госпожа Равенстер была всегда добра к ней. И за всю жизнь Анна не услышала от неё ни одного плохого слова. И всё-таки того доверия, что было между ней и матушкой настоятельницей у них не сложилось.

– Как ты? – Госпожа Равенстер с сочувствием смотрела на неё. – Эдуард сегодня сам не свой, – она печально улыбнулась, пытаясь защитить мужа. Наверное, она его любила, по-своему, но почему-то Анну только пугала такая любовь. – Сильно тебе досталось?

– Ну... – Анна замаялась. – Не очень.

– Пойдём к девочкам. Покушаешь. Расскажешь, как учёба. Эдуард уехал во дворец. Теперь до вечера не придет. Пойдём, – госпожа Равенстер протянула ей руку. Массивный браслет сполз с запястья и открыл несколько синяков. Анна

вздохнула.

Пока они шли коридорами к комнатам сестёр, ей почему-то подумалось, что несмотря на такого отца, сёстры стремятся замуж. Влюбляются, мечтают о балах и кавалерах. А ей, глядя на синяки на запястьях госпожи Равенстер, хотелось только убежать туда, где ничего этого нет.

Конечно, она верила, что есть хорошие мужчины. Она читала о них. Есть идеал. О нём написаны легенды. Есть книги о верных рыцарях и прекрасных дамах. Но на самом деле они где-то далеко, так далеко, что вряд ли когда-то обратят внимание на неё, сироту.

Слова приёмного отца почти забылись. Но иногда всё же всплывали в памяти. И тогда в голову невольно лезли всякие образы. Анна ругала себя за то, что думает об этом, пыталась прогнать их, но ничего поделать не могла. Перед глазами вставала грязная хижина. Она видела такие в нищих кварталах, в которые они ходили помогать беднякам вместе с матушкой. Она разговаривала с этими людьми, жалела их, но представить себя там в хижине, женой такого человека не могла. Эти образы только навевали страх.

– Анна! Мы так рады тебя видеть! – Тайла и Марена отложили своё вышивание, встали ей навстречу и каждая даже приобняла её. Они выросли за те полгода, что Анна их не видела. Но всё равно остались её любимыми сёстрами.

– Я тоже, – улыбнулась она. – Я скучала.

– А мы то как!

– Да я уж помню ваши письма, – она посмотрела на девушек. С ними всегда было легко. Хотя нет, не всегда. Были у них и крупные ссоры. А потом... Потом она смирилась, что никогда не будет им ровней. Они были лучше образованны, лучше одеты, им позволялось то, что не позволялось ей. И когда они вместе с ней выходили в общество, она на их фоне казалась служанкой.

Но, в общем, если отбросить всё это, то они мило общались, как хорошие знакомые. Сёстры поверяли ей свои тайны – кто в кого влюблён, кто с кем танцевал на балу, а она... просто слушала их. И радовалась, что у неё есть пансион.

– Тайла, ты помолвлена, говорят? И я это узнаю не от тебя почему-то, – Анна погрозила сестре пальцем.

– Ну, – девушка самым натуральным образом смутилась. – Там ещё ничего не ясно. Но Джозеф любит меня и...

– Она любит его, – вставила Марена. – А папочка не против, потому что у Джо много денег и титул в придачу. Вот увидишь, отец выпросит для Джо место при дворе.

– Марена, нельзя так говорить про отца! – Перебила её госпожа Равенстер.

– Хорошо, мама, не буду.

Марена улыбнулась и подмигнула Анне. Она невольно залюбовалась сестрой. Марена была самой красивой из них и самой юной. Ей едва исполнилось шестнадцать. Но новая высокая причёска и шёлковое платье делали её совсем взрослой. Волосы цвета спелой пшеницы, доставали почти до по-

ла, если Марена вытаскивала шпильки из причёски и позволяла волосам лежать свободно. Ей восхищались на всех балах, но господин Равенстер не давал разрешение на помолвку дочерям, пока им не исполнится хотя бы восемнадцать. Марена прекрасно сознавала свою красоту и пользовалась ей. Даже отец становился добрее рядом с ней. Зато вот гувернантки вечно плакали от её проказ и нежелания хоть чему-то учиться.

Анна перевела взгляд на Тайлу. Девушка сидела смутившись на кушетке, болтая ногой в прелестной атласной туфельке в тон платью. Тайле было двадцать. Те же пшеничные волосы, но материнские черты лица и склонность к полноте немного портили картину. И всё же вот сейчас Тайла была диво как хороша. Анна невольно zalюбовалась ей. А потом со вздохом обернулась к зеркалу. Мельком. Делая вид, что поправляет волосы.

Она привыкла к своему виду. Чем скромнее, тем лучше. Так говорили в пансионе. И всё же в восемнадцать хочется быть красивой. Пусть хотя бы немного. Но тёмные волосы были убраны в простую причёску. Строгое платье из дешёвой ткани невыгодно подчёркивало слишком худую и угловатую фигуру и цвет лица, а нос... На нос вообще смотреть не хотелось.

Анна отвернулась и улыбнулась девочкам.

– Так что там про помолвку?

Они болтали довольно долго. Потом перешли в гостиную,

где слуги, привыкшие к капризам госпожи, накрыли небольшой столик и принесли обед.

Разговор тёк неторопливо. Тайла показывала фасоны нарядов в своём альбоме, а Марена хвалилась вышивкой. Как вдруг стукнула входная дверь.

– Отец! – Улыбки сразу сошли с лиц. Госпожа Равенстер растерянно встала и повернулась лицом к двери. И только Анна осталась сидеть. Она просто не смогла бы встать. Ноги разом подкосились, а воздух словно выбило из груди.

Дверь в гостиную распахнулась.

– Вот вы где! Милая картина! – Господин Равенстер почему-то улыбался и выглядел вполне добродушно. Буря миновала. И всё же Анна чувствовала какую-то угрозу. Слишком уж таинственный вид был у приёмного отца. – Это даже хорошо, что все в сборе. Не придётся никого искать. У нас большая радость. Анна, моя приёмная дочь, волей Его Величества выходит замуж. – Он замолчал и улыбнулся, злобно так. Значит уже всё решено. Анна вдруг заледенела. Посмотрела на сестёр. Они выглядели потрясёнными, но не радостными.

– А почему никто не радуется? А? Его Величество лично благодетельствовал сироту и выделил ей приданное.

– Поздравляем! Какая радость! – Госпожа Равенстер подскочила к Анне, а та стояла словно оглушённая. Приданное. Ничего хорошего это не сулит, явно.

Глава 2

Бернард

Бернард сидел и писал прошение. Интересно, которое уже по счёту? Он давно потерял им счёт. И всё же писал. Унижался, просил, требовал. Каждый раз сжимая зубы терпел и точно говорил себе, что это в последний раз. А потом видел страдания бедняков, которые мучились больные в своих холодных домах и снова шёл писать и обивать пороги государственных канцелярий. И снова не получал ответа. Если бы он мог распоряжаться деньгами, а не снимал бы сам несколько комнат в пансионе госпожи Дарс, то давно бы уже построил приют-больницу. Но он имел то, что имел. Увы.

Он запечатал письмо. И немного помедлил, прежде чем написать адрес. Пару недель назад он отправлял прошение на имя королевского судьи. Теперь кажется на очереди главный советник. Потом всё-таки надписал адрес и встал. Надо было провести старого Сэма, который болел с самой зимы и медленно угасал, а по пути отправить письмо.

Бернард припадая на левую ногу направился к двери. Захватил с вешалки плащ и шляпу. Уже одевался, когда в дверь постучали.

– Войдите.

– Здесь живёт доктор Дженсон?

– Да, это я.

Он поднял глаза, рассеянно думая, не забыл ли чего. Посыльный. Он его здесь раньше не видел. Странно. А посыльный протянул ему письмо.

– Вам письмо из королевской канцелярии.

– Хорошо. Давайте, я распишусь.

Посыльный ушёл. А Бернард всё стоял и смотрел на королевскую печать. На сердце почему-то вдруг стало беспокойно. Открыть бы и прочесть быстрее. Но в коридоре было темно. Госпожа Дарс сэкономила на свечах.

Бернард вернулся в комнату, подошёл к окну и распечатал письмо.

«Господин Дженсон, настоящим письмом уведомляем вас, что такого-то числа такого-то месяца вам надлежит жениться на госпоже Анне Равенстер. Таково желание Его Величества.»

И подпись – королевский советник Джеймс А.Д.

Это шутка? Равенстер... Имя показалось знакомым. Уж не дочь ли это королевского судьи? Он наморщил лоб пытаясь понять, что случилось. Но в бумагах он никогда не был силен. Ясно одно – ничего хорошего это письмо точно не сулило. А главное не предоставляло возможности отказаться.

Интересно, чем эта Анна так провинилась, что её выдают за него замуж? Бернард усмехнулся и посмотрел в зеркало. Он, по правде говоря, пользовался им редко. Да и зачем зеркало доктору Бену? Старый Сэм и матушка Милли

любили его и таким. И всё же время не красит. Врождённая хромота с годами только усилилась. Он знал, как доктор, что это не лечится. Морщины избороздили обветренное и загорелое лицо. (Как у моряка, – подумал Бернارد). Светлая почти белая борода спадала на потрёпанный пиджак. Он никогда раньше не думал о своём внешнем виде.

Наверное, он не слишком привлекателен для обычной девушки, да ведь и девушки благородного происхождения сюда не заезжали. А он сам очень редко выбирался в город, слишком редко, чтобы думать о том, как он выглядит.

Конечно, его пациентки иногда посматривали на него так... двусмысленно. Но он, вот ведь старый чудак, и представить себе не мог, что женится без любви. Ну а любовь ему с его внешностью и не светила. Поэтому он и собирался жить так, как есть всю жизнь. Вот правда это письмо... Он разберётся с ним на досуге, обязательно. Наверное, закралась ошибка и письмо по случайности адресовали ему. Бернارد положил письмо на стол. Надо будет зайти в канцелярию и рассказать об этом.

В дверь опять постучали. Он только и успел поднять голову.

– Доктор Бен, – дверь распахнулась. За дверью стоял мальчишка в потрёпанной рубашке, старых выцветших брюках и дырявом картузе. Он тяжело дышал. – Там мамке опять плохо.

– Что случилось? – Бернارد посерьёзnel. И тут же забыл

про все письма на свете. Это была его любимая работа и его добрые люди, во многом наивные как дети. Их жизнь зависела от Божьего благословения и от его умений. – Опять приступ, да?

Мальчишка закивал головой.

– Хорошо. Пойдём вместе. Я уже собрался. Только чемоданчик сейчас возьму. – Он взял свой чемоданчик с лекарствами и инструментами и вышел вслед за мальчиком.

Анна

Несколько дней она прожила словно в тумане. Улыбалась, иногда смеялась, благодарила отца и даже делала вид, что собирается. А в душе жил страх. Липкий и противный он застилал глаза и не давал дышать полной грудью. Слишком мало времени у неё чтобы смириться со своей судьбой. И приёмный отец не даёт ей больше. И не сбежать. Господин Равенстер выставил стражу. Она постоянно маячила где-то у дверей комнаты, словно напоминание – захочешь уйти – а мы здесь. И никаких прогулок. Отец запретил даже в сад выходить одной. Только с госпожой Равенстер и сёстрами.

Тайла с Мареной в отличие от матушки не поздравили её, нарушив отцовский приказ. Всё-таки они любили её. Анна смахнула слёзы. Она прощалась с прежним миром навсегда. А новый мир её пугал.

И почему бы господину Равенстеру не оставить её тогда, восемнадцать лет назад, на улице? Зачем он приютил её и

дал свою фамилию, зачем назвал дочерью?

Вспомнилось, как однажды, ещё будучи девочкой, ласковой и весёлой, она бросилась к комнате приёмного отца, чтобы сделать ему сюрприз и вбежать без стука. И услышала то, что не смогла потом забыть.

– Эд, зачем тебе эта девчонка? Заботиться о ней, оплачивать обучение? – Она узнала человека по голосу, тогдашний королевский советник, господин Гамбольдт.

– Ну как же ты, такой интриган и не понимаешь? – Голос приёмного отца звучал насмешливо. – Его Величество любит бескорыстие и добрые дела. И хотя он сам скуп, как ростовщик в своей лавке, никогда не упустит возможности похвалить за щедрость. Всегда надо делать то, из чего можно извлечь выгоду. Пусть даже не сейчас, а в будущем.

Она тогда не пошла к приёмному отцу. От разочарования потемнело в глазах. Совсем ещё ребёнок, который разом повзрослел. Их ещё много было, таких фраз. И издёвок, которых она не замечала раньше.

Она вспомнила, как часто стояла в углу, сопровождая в гостях сестёр и приёмного отца. И пока они танцевали или флиртовали, невольно вслушивалась во взрослые разговоры, и ловила восхищенные взгляды, которые бросали на господина Равенстера.

– Господин судья, ваша воспитанница так скромно и опрятно выглядит.

– Она не воспитанница, а дочь мне, – натурально изобра-

жал возмущение приёмный отец. – Вы что? Я подобрал её на улице, умирающей от голода и холода, дал ей образование и воспитание.

– Ах, – натурально ахали дамы и прикладывали платочки к глазам. – Вы настоящий герой. Она, наверное, так благодарна вам!

Ну и всё в таком духе. Анна отдыхала от этой фальши только в пансионе, где никому не было нужды притворяться и жила только там полной жизнью. И вот теперь её хотят лишить этой жизни.

Она вздохнула. Встала с кровати и поправила локон, выбившийся из причёски. В комнату постучали, а потом дверь приоткрылась.

– Энн, пойдём в сад. Папа уехал, – Тайла махнула рукой.

– Иду, – Анна кивнула. Накинула шаль и направилась за сестрой.

– Дорогуша, я узнала кое что про твоего жениха.

Анна скривилась, как от боли.

– Ну-ну. Не корчи рожи. Ты не можешь быть такой печальной, когда я так отвратительно счастлива. – Тайла рассмеялась, а потом вмиг посерьёзнела. – Эти три дня после того, как отец озвучил приказ короля, я пыталась узнать хоть что-нибудь про твоего жениха. И мне это дорогого стоило.

– Я твоя должница, – улыбнулась Анна. Сразу почувствовав к чему клонит сестра.

– Позже сочтёмся, – Тайла махнула рукой. – Так вот, Ма-

рена пробралась в кабинет отца. Даже не спрашивай, как она это проделала. Но тем не менее, мы узнали, что его зовут доктор Дженсон и он работает доктором для бедняков в Живилице.

Живилица... Что-то знакомое. Какое-то воспоминание мелькнуло в голове и тут же исчезло.

– Где это?

– Далеко отсюда. Шестьдесят миль, наверное, если не больше. И вот дальше ничего утешительного, – сестра помедлила, а потом сочувственно на неё посмотрела. – Двоюродная тётя моей подруги – Элис, живёт там, неподалёку. И какая удача, тётя как раз гостит сейчас у Элис. – Тайла замолчала. А Анна поняла, что сердце сейчас выскочит из груди от нетерпения. Ну почему же сестра не может сразу договорить всё, что хотела? – В общем тётя знает этого доктора. Живёт он в глуши глухой, снимает несколько комнат. Грязь там непролазная и туман, а зимой невозможный холод из-за гор. До ближайшего города, наверное, как оттуда до нашего дома. Тебе надо теплее одеваться.

– Ну так что там с этим человеком? – Анна не вытерпела. Она так и не смогла произнести слово «жених». Оно жгло язык.

– Какая нетерпеливая! – Тайла погрозила ей пальцем. – На самом деле я просто пытаюсь тебе подготовить. Там везде грязь и холод. А жених твой... Ну, в общем, как доктора его любят и ценят. Но правда тётя его услугами не пользова-

лась. Но на этом все хорошее о нём заканчивается. Он увечный – хромает на одну ногу, страшный, бородатый, похож на чудовище. Элис однажды с тётёй видела его и чуть не упала в обморок. Ему лет пятьдесят или около того. Одежда на нём грязная и он постоянно общается с вшивыми бедняками. Обстановка у него наверняка бедная. Слуг нет. Говорят, он сам себе еду готовит и еда у него отвратительная. А ещё, говорят, что у него не все дома. – Тайла покрутила пальцем у виска, – Кто-то из знатных по своей прихоти воспользовался его услугами. Предложил доктору денег. А он их не только не взял, но ещё и наговорил много всего нехорошего. И говорит он всегда так странно. Служанка в доме где живёт доктор рассказывала служанке тётё Элис о том, что и половину из его речей не понимает. Ну вот. Кажется, всё.

Тайла закончила, а Анна представила себе этого доктора и сердце снова защемило от страха. Приёмный отец в полной мере исполнил свою угрозу. Интересно только, что он пообещал королю и как уговорил устроить этот брак? Вряд ли она об этом узнает. Снова поднялась волна негодования и гнева на отца. И хуже всего, что она ничего не могла сделать. Хотя нет. Могла.

– Тайла, – она подняла глаза и решительно посмотрела на сестру. – Я напишу письмо матушке-настоятельнице. Его надо будет отправить сегодня же. Ты поможешь?

– Конечно. Я обещаю. – И сестра сочувственно сжала ей руку.

Потом она писала письмо, зачёркивала и снова писала, комкала бумагу и бросала в камин. Письмо никак не хотело получаться. Хотя обычно у неё от матушки не было никаких секретов. И всё же она не знала, как к этому подступиться. Потом вздохнула. Время было обеденное. Надо дописать и отдать Тайле. Сестра ждёт.

Анна как смогла правдиво описала то, что произошло между ней и приёмным отцом, описала то, что слышала о своём женихе и попросила матушку хоть как-нибудь ей помочь. Она не представляла, в чём будет заключаться эта помощь, но верила, что она обязательно придёт. На сердце даже стало спокойнее.

В столовой она незаметно отдала письмо сестре. Всё. Теперь самое тяжёлое – это ждать ответа. Она даже на какое-то время воспряла духом. Но ответа не было и всё ближе и ближе тот самый день. Она конечно знала, что приёмному отцу не терпится сбуть её с рук, и что он зол на неё. Но почему свадьбы должна состояться так скоро – совсем не понимала.

«Его Величество уже назначил день и час» – гордо ответил ей господин Равенстер, когда удалось об этом спросить. Но она не верила. Неужели у короля нет других забот, кроме как её свадьба? Наверняка постарался приёмный отец. Но зачем?

Всё выяснилось в день перед отъездом, когда вещи были собраны и стояли в чемоданах в комнате. Да, по правде сказать и собирать было нечего. Платье, предметы туалета

та, письменные принадлежности, да несколько книг. Больше ничего не принадлежало ей в этом доме. Ни драгоценностей, ни карманных денег у неё никогда не было.

Отец вошёл без стука.

– Ты завтра отправляешься в пять утра. Надо успеть доехать засветло.

– Хорошо, – Анна склонила голову. Желание возражать приёмному отцу после последней ссоры совсем пропало. Всё равно это ничего не изменит.

– Поедешь с королевским нотариусом, – он сделал паузу, а она с ужасом посмотрела на отца. Нотариус мужчина и к тому же молодой. Незамужняя девушка отправляется к своему жениху с молодым мужчиной?! Неужели господину Равенстеру недостаточно унижений и он хочет подвергнуть её ещё и такому позору? Но отец после небольшой паузы продолжил. – Катрин тоже поедет с тобой.

Анна выдохнула с облегчением. Катрин – это была няня Тайлы и Марены. Но поскольку девочки выросли она осталась в доме на правах прачки и швеи. Штопала одежду слуг и стирала бельё. Слава Богу, приёмный отец не совсем сошёл с ума.

– Да, и открой сумки. Я хочу посмотреть, не взяла ли ты чего-нибудь лишнего.

Анна послушно открыла сумки. Отец быстро пересмотрел одежду и её скромные вещи, потом наткнулся взглядом на томик сказок. Это были сказки, написанные мамой. Она

берегла их как зеницу ока. Их подарила ей матушка-настоятельница.

– А это ещё что за гадость? – Он подхватил томик сказок и прочитал имя автора на заглавии. – А, писанина твоей дурной мамы. Этому место вот здесь, – И он ловким движением кинул сказки в камин.

– Не надо, отец! – Анна попыталась перехватить его руку, но господин Равенстер выдернул её и отошёл к камину.

Анна сжала губы. Она не заплачет, нет!

– Что у тебя там? Есть ещё книги? Покажи!

– Нет, – она покачала головой и встала, загородив собой сумки.

– Не хочешь? – Она думала приёмный отец ударит её, но он даже не сдвинулся с места. – Ну как знаешь. Будет хотя бы что продать, чтобы купить себе мяса для обеда, – он ухмыльнулся. Что это значит? Анна заглодела.

– Но... Но... А как же приданное?

– Какое приданное?

– Которое мне выделил Его Величество, – совсем уж жалко пролепетала она. Хотя бы несколько съеров и то было бы хорошо. Она смогла бы нанять экипаж, уехать к матушке в монастырь. Там бы её никто не нашёл. К тому же в монастырях переставали действовать все законы. Традиционно если преступник просил защиты возле стен монастыря и настоятельница или настоятель его впускали, он переставал быть преступником в обычном смысле этого слова, но и для мира

он умирал, обязываясь жить в монастыре и подчиняться его уставу. И если бы матушка приняла её... Этот закон вспомнился ей на днях, а призрачная мечта поддерживала её все эти дни. И вот теперь она рассыпалась. Без денег ей никогда не добраться до монастыря.

– А его Величество не выделил мне случайно деньги за то что я все эти годы кормил тебя и одевал, платил за обучение. А? Или может на эти платья ты заработала сама?

– Но, отец, я же говорила, что останусь в пансионе учительницей и всё оплачу. Вы просто не захотели подождать.

– Пока бы это ещё произошло... А тут волей Его Величества и мои траты на тебя оплачены и ты пристроена, – В его голосе слышалась уж совсем неприкрытая издёвка. – Или тебе не нравится? Посмеешь возразить? Привыкла спорить с отцом. Посмотрю, как ты будешь возражать своему мужу.

Перед глазами тут же услужливо нарисовался образ доктора, о котором на днях рассказывала Тайла. Стало страшно так, что она едва не упала в обморок.

– Завтра в пять утра экипаж будет ждать тебя. И без глупостей!

Отец развернулся и вышел, хлопнув дверью, а Анна села на кровати и закрыла лицо руками. Так тяжело чувствовать себя одинокой и не нужной никому. Она достала из чемодана книгу, вытащила оттуда письмо настоятельницы и прижалась к нему лбом, вспоминая то хорошее, что было в её жизни. И пансион и друзья и обучения арвирскому и долгие

службы в красивой старинной церкви. Неужели её жизнь закончится после свадьбы? Неужели доктор так страшен, как её пугают? Тогда бы Бог, наверное, не допустил бы этой свадьбы.

Она прижимала к губам письмо настоятельницы, не замечая что плачет. Пожалуйста, Боже, дай выдержать всё это!

Глава 3

Утром было так холодно, что Анна дрожала, одеваясь. Камин потух, и комната за ночь выстудилась. Здесь случались сильные заморозки даже в середине июня. А там, куда ей предстоит ехать – ещё холоднее. И горы совсем близко. С горами было связано много самых страшных легенд и преданий. Но она не боялась – верила, что это всё детские сказки. Да и в пансионе всё объяснили. Всё-таки с суеверием в стране упорно боролись. Но вот сейчас, когда ей предстояло уехать в к незнакомому человеку и стать его женой, все суеверия снова воскресли.

Прощание, слёзы сестёр, виноватый взгляд госпожи Равенстер и насмешливый – приёмного отца – всё, словно в тумане. Анна дрожала от холода, а ещё сильно хотелось спать. Так было всегда, когда она волновалась. Но пока экипаж не тронулся, уезжая в темноту и туман и оставляя дом, в котором она жила всю свою жизнь, она не осознала полностью, что уже всё, дороги назад нет. И только, наконец, когда фонари подъездной аллеи растворились во тьме, она откинулась на подушки и сжала губы.

Слёзы сами текли по щекам. Хорошо, что в карете было темно, и сухощавый высокий нотариус не видел их. Зато няня почувствовала. Прижала её к себе.

– Ничего девочка. Ничего, – она поглаживала её по голове. – Всё успокоится. Все плачут, когда уезжают. И мало кому, Творец даровал хорошую судьбу. Надо с благодарностью принимать всё, что тебя ожидает.

Анна вздохнула. Ей стало стыдно. Она думала только о себе, но вовсе не этому её учили. Она знала, что старая нянюшка была замужем. Но муж, выше её по положению, в один ужасный миг ушёл от неё, забрав с собой единственного сына. А суд был полностью на его стороне. На второй суд няня так и не собрала денег. После этого она поседела, за один день и больше так никогда и не видела своего мужа и не знала даже, жив ли сын. И теперь коротала дни, прислуживая в семье Равенстеров. А сейчас ехала навестить свою приболевшую сестру, такую же старую деву. Рядом с ней было стыдно грустить. И на какое-то время она даже воспрянула духом, но снова затосковала, когда нянюшка уснула.

Королевский нотариус пытался было с ней разговориться, но Анна отвечала односложно. Она боялась мужчин до дрожи в коленях и сжималась от каждого его слова. И он замолчал. Она выдохнула, а потом сама задремала ненадолго.

Сны снились тревожные. В этих снах она убегала от кого-то. И знала, чувствовала, что не убежит. Он настигал её неумолимо быстро. Она оборачивалась и тут же просыпалась. И так несколько раз. И тут же начинали терзать мысли, не давая покоя, о том, что уже завтра она станет женой неизвестного и чужого для неё человека, рассказы о котором

пугали до дрожи.

Анна уже знала, что свадебного торжества не будет. Ни платья, ни поздравлений, ничего. Просто она подпишет при нотариусе брачный договор. И её будущий муж поставит свою подпись рядом. И всё. И так будет лучше. И даже, наверное, не очень страшно. По крайней мере она надеялась на это. И всё же как ребёнок молилась, чтобы с экипажем или нотариусом что-то случилось.

Но день в дороге слишком быстро кончился и без происшествий. Они остановились в какой-то придорожной гостинице, поели и легли спать. От волнения Анна почти не могла есть и несмотря на просьбы няни, почти не поужинав отправилась спать. И, конечно, так и не смогла заснуть. Так и ворочалась до утра.

А утро... Утро только приблизило неотвратимое. И когда кучер громким голосом сказал, что они въехали в Живилицу и скоро приедут, она едва не потеряла сознание от страха и голода.

Но всему когда-то приходит конец. Экипаж остановился у ворот мрачного высокого здания. На стук вышла служанка, отвела их в гостиную и сказала, что позовёт доктора Дженсона.

Анна вошла в комнату, на негнущихся ногах. Няня молчала, только поддерживала её под руку. Она знала, что няня её жалеет. Только вот это не прибавляло смелости. А в гостиной ей вдруг стало не по себе. Как будто она уже была

здесь. Такого точно быть не могло и всё же и эта комната и этот старый камин и потёртая мебель казались ей смутно знакомыми. Наверное, от страха у неё уже мутится в голове. Она постаралась взять себя в руки и заставила себя даже посмотреть на жениха, когда он вошёл.

И тут же опустила голову, стараясь не заплакать. Тайла не преувеличила. Он действительно был, мягко говоря, не красавец. И борода и старый потёртый пиджак и морщины, всё как рассказывали.

«Наверное, он действительно совсем старый и годится мне в отцы.» – Мелькнула в голове мысль и стало совсем уж плохо.

А нотариус тем временем начал зачитывать брачный договор. Нарочито громко, словно они были глухие и не умели читать. А может быть её жених действительно не умеет. Он ведь из низшего сословия, неблагородный. Анна сжала губы сильнее, до крови, чтобы не расплакаться прямо здесь. Надо подождать. Если потом муж позволит ей плакать.

Она слушала жёсткий, скрипучий голос нотариуса и вдруг заметила, какие брезгливые взгляды он бросал на её жениха.

– Если вам всё ясно, распишитесь вот здесь. – Он показал пальцем сначала её жениху на пустую строчку. И подал перо и чернильницу. И она только сейчас подумала, что даже не знает, как зовут того, который скоро станет её мужем.

– А если не всё? – Голос вдруг неожиданно молодой и звучный разрушил сонную страшную тишину, в которой она

увязала как в паутине. Она невольно подняла взгляд на своего жениха. Он смотрел на нотариуса, не отрываясь. Несколько секунд, и нотариус отвёл глаза. Но когда заговорил, голос звучал ещё жёстче.

– А если не всё – всё равно подпишите. А все вопросы пожалуйста в письменном виде предоставьте Его Величеству.

Мужчина помедлил немного, потом взял перо, обмакнул в чернильницу и поставил красивую роспись. Пусть это была глупость, но Анне стало чуть легче. Всё же её жених умеет писать, значит не совсем необразованный. Но тут же страх вернулся снова. Настала её очередь ставить подпись.

Она помедлила немного, а потом всё-таки взяла перо и трясущимися руками расписалась. Всё. Теперь у неё нет дороги назад. Прошрое она только что зачеркнула сейчас собственными руками. А будущего неопределённо и внушает страх.

– Теперь ваша подпись, – нотариус подвинул чернильницу няне. Она должна была поставить свою подпись как свидетельница. Потом, наконец, расписался и он. Один экземпляр договора он убрал в свою сумку, а один оставил на столе.

– До свидания, девочка. Счастья тебе, – обняла её няня напоследок. Она не могла остаться, так как нотариусу надо было срочно ехать обратно. А няню ждала сестра.

Анна пришла в себя только когда в глубине дома хлопнула входная дверь. Она встала со стула и едва не упала от усталости. Голова закружилась. Подняла глаза. Её теперь уже муж

не видел её слабости. Он стоял спиной к ней и лицом к двери.

– Пойдёмте!

– Куда? – От страха голос звучал тонко, едва слышно.

– Ко мне.

Анна сжала губы. Она не расплачется. Хотя от страха казалось разорвётся сердце. Подняла свои чемодан, которые слуга внёс вслед за ней и направилась к двери. Возле двери её жених обернулся и близоруко прищурился, а потом шагнул к ней. Анна невольно отступила на шаг назад, но он просто произнёс:

– Давайте сюда ваши вещи. Я понесу.

Подъём по лестнице на третий (кажется) этаж она почти не запомнила. Пришла в себя только когда входная дверь в комнаты её мужа захлопнулась, отделяя её от всего остального мира. Она подняла голову, чтобы осмотреться и тут же опустила. Её теперь уже муж смотрел на неё так пристально и внимательно, что она совсем потерялась.

Анна сделала было пару шагов вперёд, но тут же остановилась. Куда ей здесь идти?

– Вы будете обедать? – Странно молодой голос мужа никак не вязался с его внешним видом и Анна почему-то вздрогнула.

– Нет, – она едва выдавила это «нет» и покачала головой.

И снова молчание. Она едва стояла от голода и страха. Напряжение последних дней так и не отпускало, только усиливалось. Чего от неё ждёт этот мужчина? Что ему надо? Она

даже в мыслях не могла назвать его своим мужем.

– Сударыня, посмотрите на меня.

Она подняла голову на мужа и кажется впервые осмелилась посмотреть ему в лицо. Это «сударыня» поразило её. Что-то такое старомодное послышалось и в то же время это слово подходило мужчине, ровно так же, как и одежда.

Её муж смотрел на неё, как ей показалось с жалостью, а может только показалось.

– Сударыня, – продолжил он. Почему же от этого слова стало легче? Она сама не понимала, в чём дело. И ведь она уже где-то слышала это обращение. – Я не знаю, чем вы так провинились, что вас выдали за меня замуж, но я всё-таки не разбойник. Не смотрите на меня так. – Он немного помедлил, а Анна почувствовала, как горят щёки. Что он хочет сказать? Неужели у неё на лице написаны все её чувства? – Вот ваша комната. – Он показал рукой на приоткрытую дверь. – Вот вам ключи.

Он дал ей ключи. Анна выдохнула. Словно невидимая пружина внутри медленно разжималась. И всё же она схватила ключи, едва кивнула головой и бросилась в комнату. Ещё увидела, как этот странный мужчина поставил чемоданы с её вещами возле порога и притворил дверь.

Она подошла к двери, закрыла её на ключ и только потом выдохнула. И осмотрелась. Комната была маленькая и очень скромно обставленная, по меркам семьи Равенстеров. Но она в пансионе привыкла к такой обстановке. Матушка

требовала, чтобы все девушки жили скромно, а ещё чтобы учились ухаживать за собой, сами делать себе причёски и готовить.

В комнате кроме кровати, стоявшей возле окна, небольшой печки, стула и шкафа ничего больше не было. Видимо, раньше это была спальня её мужа. Но что же это за человек, который поделился с ней своей комнатой и своей кроватью, без просьбы даже с её стороны? Наверное, в первый раз она подумала о нём так, без страха, только с интересом.

Анна сделала несколько шагов и оказалась у окна. Маленькая, скромно обставленная комнатка, видимо, находилась под самой крышей. В окно она увидела сад. Никаких ярких клумб и вымощенных дорожек. Только узенькие тропинки между небольшими кустарниками, да неровные участки земли, похожие на грядки. По тропинкам медленно и скромно прогуливались девушки. Интересно, кто они такие и где она оказалась?

Но по крайней мере, она в этом большом старом доме не одна со своим мужем. Как ни странно, от этого вдруг стало легче. Какое-то время она увлечённо наблюдала за девушками, но потом голод дал о себе знать. Хотя ей и страшно, но надо выйти из комнаты и узнать, где здесь можно пообедать. Конечно она пообедала бы лучше с этими девушками, а не со своим мужем. Но, наверное, это невозможно. Из-за этой свадьбы, она больше не госпожа Равенстер и не Ларенс (фамилия отца) а госпожа... Анна замедлила, пытаясь вспом-

нить фамилию мужа – Дженсон, кажется. А значит по положению ей положено теперь жить здесь и делать только так, как прикажет муж. А Анна рассчитывала хотя бы на небольшую свободу после окончания пансиона.

Она вздохнула. Надо бы, наверное, переодеться с дороги и посмотреть, как она выглядит. Но в комнате не было ни зеркала, не кувшина для умывания. Она достала первое попавшееся платье из чемодана и переделалась, надеясь, что выглядит хотя бы не очень растрёпанной. Хотя какое ей теперь до этого дело? Вот если её муж ей что-то скажет...

Анна сжала зубы, трясущимися руками вставила ключ в замок и приоткрыв дверь, выглянула наружу. Комнаты, которые снимал её супруг, видимо, были очень скромными. Небольшой коридор, следом шла её комната, потом небольшая то ли гостиная, то ли кабинет и рядом такая же маленькая кухонька. Дверь была приоткрыта и она видела, как над маленькой плиткой стоял доктор, что-то помешивая. Ничего страшного.

Она вышла из комнаты, прикрыв за собой дверь и направилась в кухню. И чуть не столкнулась в дверях с доктором. На нём поверх сюртука был надет фартук, а в руках он держал большую деревянную ложку. Это выглядело очень смешно, так что Анна засмеялась бы, но не сейчас. Почему-то при виде новоиспечённого мужа она забывала как дышать. Чем он её пугал, она сама не могла понять и всё же боялась.

А доктор, увидев её улыбнулся. Морщины на его лице разгладились и Анна с удивлением поняла, что он вовсе не так стар, как ей сначала показалось. И снова вернулся страх. Липкой рукой сжал сердце.

– Вы хотите поесть?

– Да, – тихо выдавила она.

– Еда почти приготовилась. А пока что присядьте. – Он указал ей на кресло и Анна почти упала в него. Сил стоять на ногах уже не было.

– Я не мастер говорить, – тихо начал доктор, став необыкновенно серьёзным. – Но не бойтесь. Я на самом деле не желаю вам зла. Вы можете здесь жить как хотите и ходить куда хотите. Я не буду вас ограничивать. Можете есть то, что вам нравится. Одним словом, я вовсе не такой страшный, каким, наверное, показался вам, – и его пытливый взгляд заглянул прямо в душу, словно он увидел её всю насквозь. Анна смутилась, но почему-то поверила ему безоговорочно и без причины.

– Благодарю вас, – ответила тихо. И совсем уж тише положенного добавила, – Но я, наверное, стесню вас. У меня нет ни съера, совсем.

Она внутренне сжалась после такого признания, готовая к чему угодно. И удивилась, услышав слова доктора.

– М-да, незадача. Но ничего страшного. Моей скромной зарплаты нам пока хватит. Хотя если вы привыкли жить на широкую ногу, – он сделал паузу и посмотрел на неё. Неожиданно.

данно проницательный взгляд сверкнул из под густых бровей. – То я боюсь не смогу вам помочь.

– Я не привыкла. То есть, в пансионе нас приучили к скромности, – Анна стеснялась и всё же ответила.

– В каком пансионе?

– При монастыре в Л.

– Я слышал про этот пансион немного, – доктор замолчал и так и не продолжил темы, словно уйдя в свои мысли.

Несколько минут тишины, а потом он встал.

– Наверное уже приготовилось. Пойдёмте на кухню.

Анна несмело прошла за ним. И в комнате и на кухне был беспорядок такой, что никогда бы не позволил в своём поместье господин Равенстер. Но почему-то, несмотря на это, здесь было необыкновенно уютно.

Солнечный свет лился из распахнутого окна гостиной, а вместе с ним и птичье пение. От лёгкого ветерка шелестели листья на деревьях и качались лёгкие занавески из дешёвого тюля. Это были все те звуки, к которым она привыкла в пансионе и которые приёмный отец строго настрого запрещал в своём доме.

Кухонька была маленькая, но уютная. На небольшой плитке стояла кастрюля, от которой шёл ароматный запах. Да такой, что у Анны даже закружилась голова. Она присела осторожно на краешек стула, ожидая, пока доктор достанет из шкафа посуду и нальёт суп.

– К сожалению, у меня сегодня только суп и хлеб. Я вче-

ра заплатил за комнаты госпоже Дарс и поэтому пару дней придётся немножко поэкономить, но я к этому привык.

— Спасибо, — Анна только неловко кивнула. Насколько было бы проще если бы обещанное королём наследство не забрал бы себе приёмный отец. Хотя что это она? Она не собирается долго стеснять своего супруга. Мысль ещё неоформившаяся, возникла словно из ниоткуда и дала ей надежду. Если бы только матушка быстрее ей ответила! А может быть стоит написать ещё раз? Или муж не одобрит?

Наверное, не стоит его сегодня спрашивать об этом. Страх почти прошёл, хотя Анна сама не могла бы сказать, почему поверила этому человеку. Она подняла глаза и посмотрела на своего супруга уже по-другому. Как раз и случай представился. Доктор был увлечён едой, так что Анна могла рассмотреть его без помех.

Да действительно светлые волосы и светлая борода, а ещё морщины на лице. Всё как рассказывала Тайла. Но хоть Анна и не разбиралась в лицах, тем более в мужских, лицо доктора почему то не показалось ей отталкивающим. Может быть после его слов, а может быть, она просто почувствовала его, как одна душа чувствует другую, но она не увидела в нём ничего кошмарного и чудовищного. При свете дня он выглядел нет, не красивым, но необычным, особенно когда улыбался. Хотелось рассматривать его и изучать.

Анна смутилась от этой мысли и снова прилежно опустила взгляд в тарелку.

Когда обед был закончен, доктор встал, повернулся лицом на восток, прошептал молитву, а потом вдруг улыбнулся. Так странно, словно своим мыслям. А потом обернулся к ней.

– Мне сейчас пора на обход, навестить больных. Если хотите – отдохните в своей комнате, хотите – побродите тут. Вот здесь, – доктор показал на накрытую полотенцем корзину, – вчерашний пирог. На полке, вон там, наверху – чай. Это если вдруг проголодаетесь.

– Спасибо, – едва выдавила Анна из себя.

– Да, и я же не представился, – доктор опять улыбнулся, а порыв ветра, ворвавшийся из комнаты, взъерошил ему волосы. Он стоял посреди комнаты – худощавый, сильный, такой большой и всё же Анна постепенно переставала его бояться. Это было так странно и необычно. – Меня зовут Бернард.

– Анна, – она постаралась улыбнуться.

– Мне очень приятно, – доктор улыбнулся в ответ и шагнул к двери, взял с вешалки шляпу и плащ. Мгновенье – и его шаги уже раздавались в коридоре, а потом и вовсе стихли. И Анна осталась одна.

Глава 4

Бернард

По дороге к матушке Милли, которую он обязательно должен был сегодня провести, Бен почему-то думал о девушке, которую ему навязали в жёны. Вот ведь как – не хотел думать и думал.

После той новости в письме, у него было время, чтобы спросить и получить ответ, что таков действительно приказ короля. Интересно, это отец постарался замолвить Его Величеству словечко, или девушка действительно перед кем-то очень провинилась?

Но он не думал об этом до сегодняшнего дня. До того, как увидел её. Он думал, что она будет похожа на знакомых ему благородных девиц. Все они казались ему одинаковыми, а некоторые даже отталкивали. Благо отец очень потрудился в своё время познакомить его со сливками общества.

А она... Анна... Похожа на летний ветерок, что летает в полях. Было жестоко выдать её за него. И этот её взгляд. Она боялась его до дрожи. Уже заранее. И это было очень неприятно. Его не любили, наверное, в определённых кругах. Пусть. Пока у него было любимое дело, чистое сердце и ясный ветер в полях, полных вереска, он только смеялся

над этим. Но кто смог напугать эту девушку, похожую на маленькую птичку? Найти бы этого человека и сказать всё, что думает.

Бернард нахмурился. Если бы он мог помочь ей, если бы знал как, то сразу бы это сделал. Но ему совсем не к кому обратиться. Разве что спросить у священника.

До матушки Милли пешком было не так уж и близко. Она жила на самом краю деревни, на опушке леса. И всё же дорога не показалась ему долгой. Может быть потому что он думал о девушке, которую по ошибке назвали его женой. Такая невзрачная маленькая серенькая и всё же такая красивая. Бернард сам не мог сказать, что в ней было такого, но когда она улыбнулась, словно солнце засияло ярче. И всё же при взгляде на неё он чувствовал то, что должен помочь ей. Даже если она сама и не попросит о помощи. Может быть, если она перестанет его бояться, он узнает, почему она здесь и что можно сделать, а до этого, пожалуй, спросит совета.

Приняв решение, он успокоился. Но всё же не надолго. Мысль о ней странным образом смущала. Словно она была маленькой феей, залетевшей по ошибке в берлогу к медведю. Старому и увечному медведю, как называл он себя сам. Найти бы того, кто в этом виноват. Ну если это проделки родственников! Бен сжал губы, а потом выдохнул. Спокойно. Он всё выяснит, но позже.

Анна

После того, как её супруг ушёл, она выдохнула. Правда не с той радостью, о которой думала раньше. Совместная трапеза и его слова успокоили её. Она хотела остаться одна и думала, что ей станет проще. Но с удивлением обнаружила, что страх и так давно прошёл. Она вспомнила доктора... Какой однако странный человек.

Несколько минут после его ухода Анна просто сидела, отдыхая, а потом встала и прошлась по кухне. Здесь было на удивление чисто и уютно. И было бы ещё чище, если бы она прибралась. Анна осмотрелась вокруг в поисках тазика для мытья посуды. Нашла его в углу кухоньки, висящем на гвозде, а ещё большой умывальник и кувшин с водой и горячий чайник на плите. Должно хватить. Она взялась за мытьё посуды и с удивлением обнаружила, прислушавшись к себе, что в первый раз, наверное, делает это по своему желанию.

В пансионе они обязаны были дежурить на кухне и помогать сёстрам мыть посуду. Господин Равенстер тоже довольно часто в наказание отправлял её на кухню. А вот сейчас... Она задумалась. Её супруг ясно показал ей, что не будет сердиться на неё и разрешил ей делать то, что вздумается (ему, слава Богу, кажется, вообще не свойственно чувство гнева). А она решила помыть посуду. Анна улыбнулась. Странно, но ей почему-то захотелось сделать эту кухоньку ещё чище и уютнее.

После того, как вся посуда была вымыта, она прибралась

в комнатах, оставив свои чемоданы до вечера, а потом села и задумалась. Ей не с кем было поговорить. Она ровным счётом ничего не знала о своём муже. Ни когда он вернётся, ни где находятся его больные, ни чем он занимается и какие болезни лечит. И всё же он не похож был на мужика, за которого так стремился выдать её приёмный отец. Она чувствовала это. Хотя не смогла бы никому объяснить, почему.

Она посидела немного, потом понаблюдала в окно за девушками, которые иногда появлялись в саду и решила уже отправиться разбирать вещи, как вдруг увидела в углу то, что доселе не замечала – шкаф, полный книг. Шкаф стоял в темноте, может быть, специально. Солнечный свет почти не доставал до него. Анна шагнула к шкафу и удивлённо замерла. Такого обилия книг она никак не рассчитывала здесь встретить.

Томы по лекарскому делу, анатомические справочники и прочая учебная литература перемежалась томиками стихов известных поэтов, легендами, сказками, томами по истории и ботанике. Книги были красивые, богатые, в кожаных переплётах с золотым тиснением. Таких красивых книг просто не могло быть у неблагородного необразованного доктора.

Она с благоговением достала томик сказок. Открыла первую страницу и увидела надпись.

«Милому Бену от матери. С вечной любовью и пожеланиями счастья».

От матери. Кто же та, что была его матерью? Анна почти

не дыша начала перелистывать листы, едва касаясь. Книжки это было так чудесно и так замечательно – встретить старых друзей, чьи истории она знала наизусть, здесь, в этом чужом краю.

Она не заметила, как хлопнула входная дверь и только услышав покашливание, вздрогнула и повернулась. Перед ней стоял её супруг и он улыбался.

Анна сначала испугалась, потом покраснела, как будто её застали за чем-то неприятным. Обхватила книгу обеими руками и вжалась в шкаф. Вот сейчас он будет ругать её, скажет чтобы не лезла в чужие вещи. Как всегда говорил приёмный отец. Она ждала упрёков и обидных слов, но снова ошиблась.

– Я забыл сказать, – доктор шагнул вперёд, улыбаясь. – Что вы можете брать эти книги и читать, если конечно захотите.

– Спасибо, – смущённо пробормотала она. Он не ругался, не злился, не разгневался на неё. Да что он вообще за человек такой? И всё же она так и не нашла в себе сил спросить, кто была его мать. И откуда у него столько книг. Она не имела права лезть с такими вопросами в жизнь человека, которого она знает лишь один день. И однако же её разбирало любопытство.

А доктор сбросил плащ и шляпу, снял сапоги и направился на кухню. Анна задумалась, всё ещё держа в руках книгу, когда услышала его удивлённый возглас.

Она бросилась в кухню и увидела доктора, который с удивлением взирал на то, как она прибралась.

– Я что-то сделала не так? – Страх змеёй заполз в сердце. Она помнила, как тяжело было угодить наставницам в пансионе и совсем невозможно господину Равенстеру, что бы она ни делала.

– Наоборот, я вам очень благодарен, что вы прибрались, – Доктор посмотрел на неё с улыбкой, которая словно преображала все его черты, превращая почти в красавца. Анна снова покраснела, сама не зная почему. Рядом с этим человеком, которого она так мало знала, она чувствовала себя вопреки разуму необыкновенно спокойно и смущалась от этого.

– Я проголодался. Если хотите – я заварю и вам чай, – простые слова, тихий голос. Что-то было в этой простоте необычно завораживающего.

– Да, если можно.

Несколько минут они сидели в тишине и слушали рулады закипающего чайника. А потом доктор кинул несколько листиков малины в чай, достал пирог и они так же молча наслаждались едой. Если кто-то сказал бы ей всего два или три дня назад, что её первый день замужества будет таким лёгким и простым, Анна, наверное, не поверила бы.

Она вертела в руках маленькую фарфоровую кружку с прелестным рисунком из фиалок, как доктор сказал:

– Анна, я хотел поговорить с вами.

Она вздрогнула и едва не выронила кружку. Он вздохнул едва слышно, но ничего не сказал. Она посмотрела на своего супруга украдкой и увидела, как посерьёзнело его лицо и сразу стало словно печальным.

– Да, я слушаю, – Анна по старой пансионской привычке сложила руки на коленях, вот только глаза не знала куда деть.

– Расскажите мне, почему вас выдали за меня замуж. Если можете. – Добавил он уже тише. И вот это «если можете» изумило её. Анна подняла глаза и встретила с мужем взглядом. Он смотрел на неё внимательно и пристально. И она снова удивилась этому. Доктор выглядел так, словно привык видеть не только человеческие болезни, но и души.

Собравшись с силами она начала рассказ. Коротко и сухо про приёмного отца и тот случай, о котором она до сих пор не могла говорить спокойно. А ещё вспомнив о пощёчине, Анна потёрла щёку и заметила странно жёсткий взгляд доктора. Так что ей снова стало не по себе. Но он молчала и не перебивал её. И она смогла закончить рассказ. Это было так странно – откровенничать перед чужим человеком. Хотя тысячу раз повтори, что он теперь её законный супруг и пути назад нет, а всё равно он казался ей чужим.

– Вот, значит, как, – проговорил доктор, когда она закончила. – А что вы хотели делать после окончания пансиона?

– Стать учительницей и выплатить приёмному отцу все деньги, которые он потратил на моё содержание.

– А потом?

— Ну возможно, я пошла бы в монастырь. — Анна чувствовала себя неловко, словно на допросе. И всё же она говорила с доктором искренне. И не потому что лгать было нехорошо. Просто ей претила ложь.

— Понятно, — протянул доктор. — А вы можете связаться с настоятельницей монастыря?

— Я ей уже написала из дома, но ответа не получила. Если вы позволите, то напишу ещё, — она говорила робко. А надежда расцветала в душе. Неужели всё вот так легко и просто образуется? Неужели этот человек отпустит её?

— Конечно, позволю. Я думаю матушка-настоятельница сможет разрешить этот вопрос. Тем более вас выдали замуж незаконно и против вашей воли. Хотя я не очень то и силен в законах. А пока, если хотите, я объявлю госпоже Дарс, что ко мне приехала сестра. А то её подопечные очень любопытные особы. — Последние слова её супруг сказал уже с лёгким смешком.

— Хорошо, — Анна кивнула головой и улыбнулась. Словно гора с плеч. Хотя при слове «сестра» стало как-то печально. И она сама не понимала, почему. Словно теряла что-то дорогое, упускала какую-то возможность. Но господин доктор оказался неожиданно благородным человеком, почти таким о которых она читала в легендах. Только вот в легендах благородные люди были все сплошь рыцарями, да принцами или королями, но никак не докторами. Это показалось ей настолько смешным, что Анна едва не рассмеялась вслух.

– Вы о чём-то задумались?

– О том, что вы похожи на рыцаря из старинных легенд, – сказала Анна, не подумав и тут же ойкнула, прикрыв рот рукой.

А доктор рассмеялся лёгким радостным смехом.

– Вот уж никогда бы не подумал. Мне кажется, я похож на медведя.

– И на медведя тоже. – Теперь, когда всё было ясно, а будущее – легко и прозрачно, к ней вернулась её привычная жизнерадостность. Скоро её муж останется в прошлом. Ма-тушка настоятельница, конечно, что-то придумает. А пока... Он ведь сам обозначил её как сестру. Она всегда мечтала иметь старшего брата, сильного защитника, которому можно было бы доверить все тайны. Почему бы не притвориться, не поверить на эти несколько дней – что вот действительно он здесь и рядом. Странное дело, но после этого разговора, она поверила своему супругу полностью и безоговорочно.

– Тогда вы – на лесную фею.

Анна снова смутилась и отвернулась. А потом украдкой взглянула на доктора. Сейчас, когда он сидел и вот так разговаривал с ней в этой залитой закатным солнцем, кухне, её, пока ещё супруг, казался ей необыкновенно молодым. Да как вообще Тайла и её подруга приняли его за старика?!

– А вы познакомите меня с госпожой Дарс?

– Конечно, и с её пансионерками тоже.

– Пансионерки? – Что-то знакомое было во всём этом. Ан-

на вздрогнула от какого-то непонятного предчувствия.

– Ну да. Она – хозяйка вот этого вот пансиона для девиц неблагородного происхождения.

И тут вдруг словно молния озарила её. Вспомнилась в подробностях та осенняя ночь, что они провели здесь. И он, доктор Дженсон, любезно уступивший им с сёстрами свой ужин.

Это было настолько неожиданно, что она едва не выронила злосчастную кружку, которую снова взяла в руки.

– Что-то случилось? – Доктор был необычно внимателен. Но теперь ей было стыдно. Стыдно от того, что никто – ни она, ни сёстры не подумали даже об этом пансионе и человеке, которого так незаслуженно тогда обидели.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.